

полюстях и жестокостяхъ, которыя собралъ въ свою драму Горькій, она, эта паша темная и жестокая жизнь, не отразилась. И трудно понять, почему отдавъ художникъ склада Горькаго свое вниманіе и свою изобразительную силу желѣзновскому дому.

Если не интересъ типичности, — можетъ-быть, къ этой семьѣ и ея преступленіямъ привлекъ автора, и долженъ привлечь насъ интересъ психологическій, исторія темныхъ, обреченныхъ преступленіямъ душъ? Но и такъ нельзя подойти къ пьесѣ, потому что такого испытанія «на психологию» она ужъ и совсѣмъ не выдерживаетъ. Чтобы старуха Васса Желѣзнова, инициаторша и вдохновительница всѣхъ преступленій пьесы, была интересна, непременно нужна полная ясность въ тѣхъ источникахъ, отъ которыхъ питается ея злая воля. Этого-то и нѣтъ, даже въ какой-нибудь мѣрѣ. Правда, что-то говоритъ Васса Петровна на эту тему въ нѣсколькихъ мѣстахъ драмы, но говорить и неясно, и сбивчиво, именно только говорить слова, не давая черезъ нихъ проникнуть ей въ сердце, гдѣ зрѣютъ преступныя рѣшенія и свершенія, откуда идутъ подстрекательства къ отравленію, дѣтубійству, подлогу, еще ко многому другому. Какъ-будто въ Вассѣ впереди всего мать, какъ-будто она — гипертрофія, уродливое перерожденіе прекраснаго материнскаго чувства. Всѣ преступленія — ради сыновей. «Для дѣтей все сдѣлаю, для дѣтей ничего не стыдно, ничего не грѣшно», — такъ приблизительно говоритъ эта гипертрофированная мать. Но тутъ же оказывается, что сооружаетъ она всю эту уголовную махинацію, заводитъ колеса этой адской машины, вовсе не ради сыновей, изъ которыхъ одинъ — крестникъ, а другой — мелкопомѣстный Францъ Мооръ, но даже противъ нихъ. Потому что одного, того, кто подъ Моора, мать изъ всѣхъ силъ старается упрятать въ монастырь, даже дѣйствуетъ на него шантажемъ, а другого, полудиота, держать въ ежовыхъ рукавицахъ и въ черномъ тѣлѣ и такъ презирать, что изъ-за него, конечно, не приняла бы на душу столько грѣховъ. Потомъ оказывается, что Васса грѣшитъ и преступничаетъ не ради сыновей, но ради внуковъ. Гипертрофія бабушкиныхъ чувствъ... Притомъ и самихъ-то внуковъ еще нѣтъ, только будутъ, и то не родные, такъ-сказать, — внуки съ лѣвой руки.

## Русскія Индустріи

«Васса Желѣзнова» Максима Горькаго (Театръ Незлобина).

Почему должны мы интересоваться тяжелыми и темными событіями, которыя произошли въ семьѣ купцовъ Желѣзновыхъ? Какое ихъ право на вниманіе и автора, и наше, зрителей, читателей? Они не характерны не то что для русской жизни вообще въ данный историческій моментъ, но даже для русской жизни даннаго соціального пласта, данной бытовой среды. Исключительность всегда во враждѣ съ типичностью, а въ новой драмѣ Горькаго все исключительно, ужасъ къ ужасу притянутъ, продемонстрировано чуть-что не все Уложеніе о наказаніяхъ. Жизнь паша сейчасъ темна, жестока, пелѣна. Но въ тѣхъ ужасахъ, преступленіяхъ,

Какъ-будто есть намекъ, что все, что Васса дѣлаетъ, дѣлаетъ она для сохранения «дѣла», что она—идеалистка «фирмы», вотъ въ родѣ того, кого недавно изображалъ въ своей «Главной книгѣ» г. Газумовскій. Но, во-первыхъ, этотъ «идеализмъ» даже почти не изображенъ, во-вторыхъ, никакъ не обясненъ психологически, а главное—не та тутъ совсѣмъ среда, гдѣ бы могъ быть «идеализмъ фирмы», героизмъ коммерческаго предпріятія. Какъ ни поверни, какъ ни прикинь,—не обнажаются ясно источники поступковъ Вассы, не обнажается никакая душевная подоплека, и остается только какая-то самоцѣльная уголовщина, за которой никакъ нельзя признать значительнаго художественнаго интереса и важности, это ~~нельзя~~ говорить только жестокому любопытству,—какая маленькая задача для творчества такого писателя, какъ Максимъ Горькій.

Не только заглавіе пьесы, но и самое ея содержаніе подчеркиваетъ, что интересоваться мы должны въ первую голову Вассой Петровной. Но интересоваться въ ней нечѣмъ. Оттого и вся пьеса оказывается очень опороченной, хотя во второстепенныхъ фигурахъ есть и несомнѣнно интересное, хорошо наблюденное и любопытно выраженное. Тамъ, гдѣ мы подальше отъ уголовщины. Наиболѣе интересны двѣ певѣстки Вассы, Наталья, умѣющая лишь «ползать», истинная героиня толпости, къ слову сказать,—отлично переданная въ исполненіи г-жи Лилиной, и Людмила, въ которой есть родное съ прежними горьковскими героями и героинями, въ которой—громадная жадность къ жизни, яркое, незадушенное даже въ желѣзномъ домѣ чувствованіе жизни. Къ сожалѣнію, эта роль досталась исполнительницѣ, которая меньше всего подходитъ къ ней по основнымъ своимъ тонамъ, которая на сценѣ всегда—вытигъ, все принимаетъ уныло и покорно, съ непроходящими слезами... Надо было вглядываться въ образъ не чрезъ исполненіе, а поверхъ его, стараясь не замѣчать его, чтобы разглядѣть вѣчный смыслъ этой женщины, жены Моора и любовницы его дяди, чтобы правильно оцѣнить всѣ ея слова, иногда очень красивыя, чувства, поступки...

Въ исполненіи слѣдуетъ отмѣтить г. Асладова, игравшаго съ уклономъ въ карикатуру, но даваго все-таки любопытный образъ, и г. Лихачева, у котораго въ передачѣ путанныхъ чувствъ Моора, страдающаго отъ своего

уродства, терзающагося отъ откровенныхъ измѣнъ жены, была и искренность, и характерность. Былъ его герой и гадогъ, и жалокъ.

Въ главной роли г-жа Васильева дала хорошій вышній обликъ и нѣсколько отдѣльных моментовъ хорошей выразительности. Но противорѣчія въ образѣ и неясности въ немъ такъ и остались, не получивъ въ исполненіи ни примиренія, ни выясненія. Впрочемъ, можетъ-быть, пороки эти такіе органическіе, что и нельзя ихъ исправить исполненіемъ...